

Тезис о первичности языковой субстанции и вторичности отношений между элементами этой субстанции, который постулируется в данном случае, не поддается отождествлению с основным положением материалистической философии (бытие первично, а сознание вторично), ибо отношения эти (как и производственные отношения в обществе) явно принадлежат бытию, они (наряду с элементами, между которыми они устанавливаются) существуют реально и объективно в речи (откуда берутся для изучения те и другие), а не только в человеческом сознании. Если производственные отношения, которые выдвинул на первый план К. Маркс, не существовали бы в действительности, а были бы только продуктом его сознания, то основанное им учение не было бы материалистическим. С точки зрения материализма Маркса и теории отражения Ленина, сознание только отражает объективно существующие в действительности отношения, а не приписывает их ей.

Едва ли кто-нибудь возьмется утверждать, например, что в биологической системе (т. е. в каком-либо организме, животном или растительном) субстанция (клетки и молекулы) первична, а структура (отношения между клетками, обеспечивающие функционирование всего организма) вторична. Можно ли считать что, форма — как нечто материальное, вещественное, субстанциальное — первична, а содержание — как нечто идеальное, духовное, менталистское (мыслительное) — вторично? Неужели материальная оболочка языка (т. е. единицы плана выражения: фонемы, морфемы, лексемы, модели предложения) первична, а соответствующее ее идеальное наполнение (т. е. единицы плана содержания — значения, граммы, семемы) вторично? Из такой постановки вопроса вытекал бы закономерный, но совершенно абсурдный логический вывод, что ставить на первый план языковое содержание, т. е. семантику, — это идеализм, а ставить на первый план языковую форму, т. е. выражение, — это материализм. Тогда семантика оказалась бы чисто идеалистической дисциплиной, а глоссематика Ельмслева в высшей степени материалистической теорией.

Во всех этих случаях, как и при сопоставлении элементов языковой субстанции и отношений между ними, невозможно ставить вопрос о первичности/вторичности, ибо и первые, и вторые — всегда лишь разные стороны реальной действительности. Совсем другое дело, что ни субстанцию, ни структуру не надо абсолютизировать и тем самым пренебрегать либо элементами, либо отношениями.

В пределах марксистско-ленинского мировоззрения вполне допустимо, следовательно, выдвигать на первый план — в зависимости от задач и целей исследования — любую из двух сторон системы (либо субстанцию, либо структуру), так как и одна, и другая представляют собой объективную реальность. Разница между ними лишь в том, что первая (элементы) непосредственно наблюдаема, а вторая (отношения) нет. Но ведь от того, что электрон или вирус ненаблюдаемы, они не становятся менее реальными и менее «бытийными».

Исходя из вышеизложенного, становится совершенно ясным, что нельзя принижать не только системный характер языка на том основании, что в нем присутствует антисистема и что ему свойственны асистемные элементы, но в равной мере и системный способ его исследования. Не надо, разумеется, забывать при этом, что увлечение системным анализом, ведущее к утрате исторического подхода, чревато сползанием на неопозитивистские метафизические позиции, точно так же, как признание одного исторического подхода и пренебрежение системно-структурным ведет к эволюционизму.

В языкознании, как и в других науках, для получения адекватной картины изучаемого объекта, взятого в целом, необходимо совмещать оба взаимно дополняющих друг друга эвристических приема исследования, объединять «элементоцентрическую» и «системоцентрическую» точки зре-